

С.И. Кормилов

«Не с теми я, кто бросил землю...»

«Не с теми я, кто бросил землю / На растерзание врагам», – недвусмысленно заявляет Ахматова в стихотворении 1922 г. (книга «Anno Domini»), выдержанном в высоком стиле (старославянизм «не внемлю», «песен... не дам» в значении «не буду посвящать стихов», слова «растерзание», «изгнанник» и др.). В 1917 году в стихотворении «Мне голос был. Он звал утешно...» упоминался «край глухой и грешный», здесь же оставшиеся губят «остаток юности» «в глухом чаду пожара». Противопоставляются не только уехавшие и оставшиеся. «Бросившие землю» (первая строфа) и «изгнанники» (вторая строфа) — разные люди, и отношение автора к ним различно. К первым сочувствия нет. «Но вечно жалок мне изгнанник, / Как заключенный, как больной». Конкретно имеются в виду, можно предположить, литераторы и философы, высланные из Советской России в 1922 году в качестве враждебного элемента (позднейшая дата «Июль 1922», вероятно, — маскировочная: высылка состоялась в августе). Однако судьба оставшихся, жалеющих тех, кто изгнан («Темна твоя дорога, странник, / Польшью пахнет хлеб чужой»), не лучше: «Мы ни единого удара / Не отклонили от себя». Политический протест против высылки цвета русской интеллигенции сочетается с величественным приятием собственного жребия. Исторически «оправдан будет каждый час» мученической жизни. Морфологический неологизм в финальной фразе «в мире нет людей бесслезней», оксюморонное сочетание свойственных «нам» черт надменности и простоты, провозглашенных торжественной ораторской речью, вовсе не выглядят данью формальному изыску и не противоречат строгой форме стансов, обособленных четверостиший нейтрального, самого распространенного в русской поэзии 4-стопного ямба с обычной перекрестной рифмовкой, точными, не задерживающими на себе внимания рифменными созвучиями.